

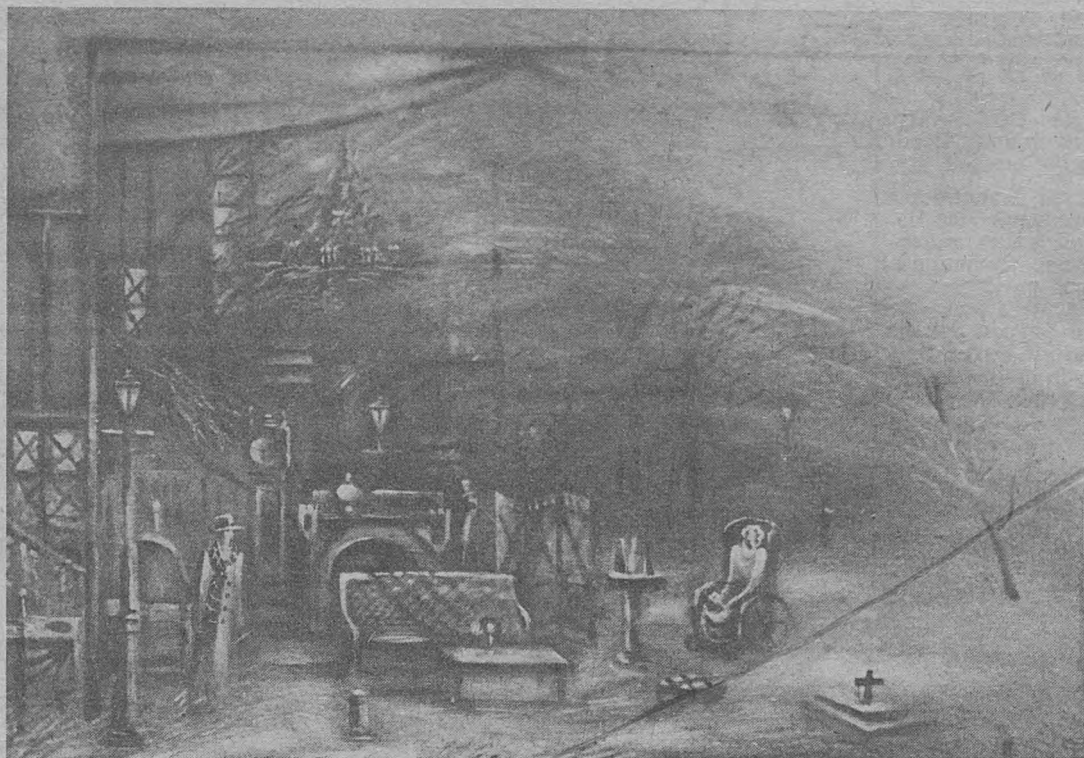
Экран и сцена - 1995 - 19-26 авг. - 4/6

Новая рубрика «ЭС» — дань труду и успехам сценографов и художников по костюмам. Наша профессиональная обязанность отозваться на ту роль, которую играет в формировании спектакля современный художник современного театра.

Диккенса читают в детстве, потом — перечитывают. Но первые впечатления остаются на всю жизнь. Этот диккенсовский осадок у каждого свой, конечно, но есть, наверное, в каждом своем и что-то общее.

Станислав Бенедиктов недавно перечитал «Большие надежды» Диккенса и каким-то чудесным образом «попал» в то свое и то общее, что принадлежит каждому.

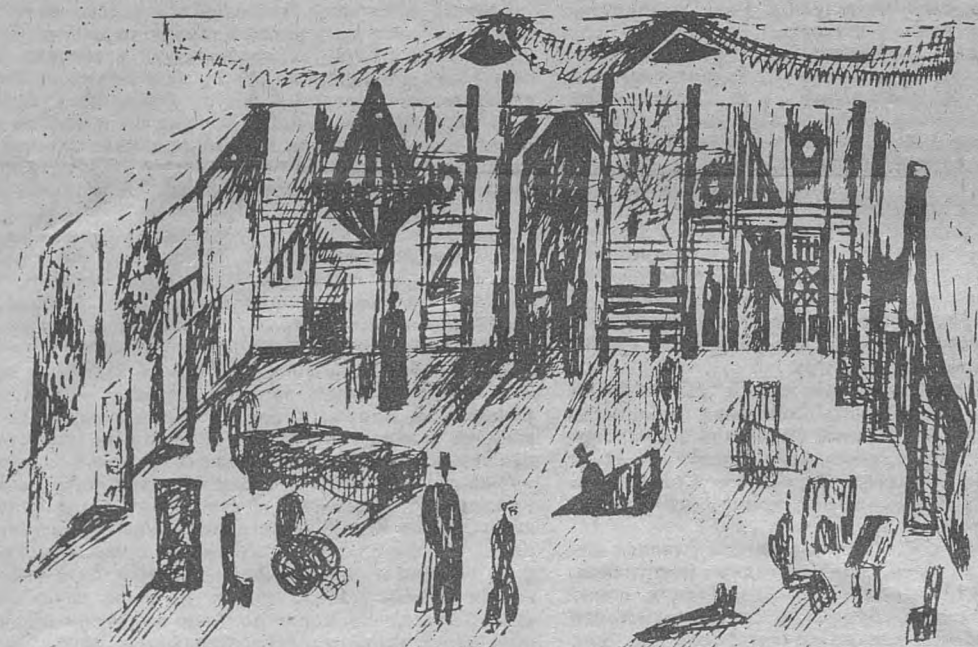
Его декорация очень про-

ральность соседствует с общенностью, формульностью. Но эта «формула Диккенса» почему-то стоит, как раненый человек.

Все дело в том, наверное, как Бенедиктов разработал «стены мира». Они строго в своей архитектурности, в своей ограничивающей функции, но они и — живые: теплое старое дерево переходит в живопись, множество подробностей мастерски вписаны в общий тон. Поэтому плоскости каре не перестают быть «стенами мира», мира Диккенса, не выдают себя за что-то бытовое, частное, переходящее. В правой части задней стены существует большой и высокий проем, куда вполне мог бы въехать дилижанс, но его не будет в спек-

СТАНИСЛАВ БЕНЕДИКТОВ. «БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ»

есть только группы характеристичных вещей, искусно komponующих малые пространства этого спектакля, персональные пространства, если так можно сказать. Персонажи свободно переходят из одного места действия в другое, возвращаются, снова уходят. Давний единомышленник Бенедиктова Алексей Бородин, думается, получал истинное удовольствие от той свободы, которая декорация представляла для мизансценирования.

Во второй части спектакля левую часть сцены займет лондонская квартира Пипа. И мебель, и реквизит опять-таки будут вполне натуральные, но странным образом рядом с камином окажется уличный фонарный столб, а где-то за шкафом вы увидите дерево. И на первом плане сцены лежит могильный камень (вы ведь помните, что вся история начинается с прихода Пипа на кладбище, где похоронены его родители). И нет покоя и уюта в этом спектакле, а есть какая-то зыбкая грань между покоем и тревогой, холодом и теплом. Нату-

такле. А будут в этом проеме виднеться деревья и странный, неяркий свет, зовущий взгляд за пределы стен и говорящий, что за ними есть новое, запредельное пространство, а за ним...

Сочетание натуральных фактур, объемов, живописи, хорошо поставленный свет, цветовые траектории костюмов Татьяны Сельвинской, точно вписавшиеся в общий тон декораций — все это создает зыбкую, трудно уловимую в слове атмосферу, где прошлое и настоящее проникают друг в друга, где добро пробивается сквозь жизнь, где становится возможным рассказ о судьбе человека и его пути, о крушении эфемерных надежд и обретении истинных ценностей. И кажется, что в этой декорации можно сыграть не только «Большие надежды», но едва ли не все романы писателя.

Что-то очень дорогое, оставшееся от детского чтения Диккенса начинает отогреваться, оживать в тебе.

Алла МИХАЙЛОВА.

ста и очень сложна. Он выстроил некое замкнутое пространство, ограничив простор большой сцены РАМТ строгим каре высоких тепло-коричневых стен. Но это не стены дома. Это — стены мира (о том, что «стены мира» говорил когда-то Эжен Ионеско). Они вырастают из планшета и уходят в бесконечность. Из них вырастают лестницы, балки, в них виднеются окна и какие-то таинственные входы и выходы (какой же Диккенс без тайны!). Угадываются моти-

вы старо-английской архитектуры, но это лишь игра мотивами, не следование им.

Начало этой игре дает портал, где проложены балки старого натурального дерева. А в свободном пространстве сцены — композиции из вполне достоверных вещей. Вот слева — бедная комната кузнеца Джо, а справа — зала в доме мисс Хэвишем со знаменитым свадебным столом, затянутым паутиной, и не менее знаменитым креслом.

Нет-нет, ни комнаты, ни залы на сцене не построено,

